

УДК 394.91; 908; 930.2; 930.85

Степанов В. П.,

*доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник института славяноведения РАН,
зав. каф. социальных наук и этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

**Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в
описании авторов России XIX – начала XX в.**

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта РФФИ 19-09-00374 «Россия – Молдова в XIV-XXI вв.: история политических, торгово-экономических и духовно-культурных связей»

В публикации представлены этапы исследования русского населения Бессарабии, приводится краткий историографический экскурс в изучение русской этносоциальной общности в Бессарабии и Левобережном Поднепровье. Уделяется внимание расселению и численности русского населения в Бессарабии XIX в.

Отдельно автор останавливается на освещении русских в публикациях И. С. Аксакова, Н. И. Надеждина, в трудах офицеров Генерального штаба. Уделяется внимание отражению особенностей русского населения Бессарабии в книге П. Н. Батюшкова. Л. С. Берга.

Для полноты картины приводится воспроизведение судеб русских беглецов на примере рассказа Бессарабеца «В припрутских камышах».

Ключевые слова: Бессарабия, Левобережное Поднепровье, русское население, авторы России XIX в., И. С. Аксаков, Н. И. Надеждин, П. Н. Батюшков, Л. С. Берг, Бессарабец.

Stepanov V. P.,

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of
Sciences,
Head of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

**The Russian population of Bessarabia and the Left-Bank Dniester region as
described by the authors of Russia in the 19th - early 20th centuries**

The research was carried out within the framework of the RFBR project 19-09-00374 "Russia - Moldova in the XIV-XXI centuries: the history of political, trade, economic, spiritual and cultural ties"

The publication presents the stages of the study of the Russian population of Bessarabia, provides a short historiographic excursion into the study of the Russian ethnosocial community in Bessarabia and the Left-Bank Dniester region. Attention is paid to the settlement and size of the Russian population in Bessarabia in the 19th century.

Separately, the author dwells on the coverage of Russians in the publications of I. S. Aksakov, N. I. Nadezhdin, in the writings of officers of the General Staff. Attention is paid to the reflection of the characteristics of the Russian population of Bessarabia in the book of P. N. Batyushkov. L. S. Berg.

For the sake of completeness, a reproduction of the fate of Russian fugitives is given on the example of Bessarabets' story "In the Prut reeds".

Keywords: *Bessarabia, Left-bank Dniester region, Russian population, authors of Russia of the XIX century, I. S. Aksakov, N. I. Nadezhdin, P. N. Batyushkov, L. S. Berg, Bessarabets.*

Этапы исследования русского населения Бессарабии и краткий историографический экскурс в изучение русской этносоциальной общности в Бессарабии и Левобережном Поднепровье. Условно время изучения русского населения Молдовы можно разделить на ряд этапов:

– **1800-1918 гг.** – русский этап в изучении этнографической группы русского населения в крае (этому времени в силу хронологических рамок нашей монографии мы уделим особое внимание далее);

– **1918-1944 гг.** – межвоенный, или называемый в литературе «румынский период» в жизни края. В нем можно выделить такое время, как **26 июня 1941 г. - 26 августа 1944 г.** – этап фашистско-румынского господства (когда изучению истории уделялось меньше внимания в связи с текущими военными событиями). За 22 года межвоенного времени румынскими властями осуществлялась попытка интегрировать Бессарабию в румынское культурное пространство.

Историческая литература, написанная в указанный период, представляла собой попытку оправдать теорию румынского континуитета, объявляя славян (рутенов/русинов; липован, русских казаков и мигрантов из центральных регионов России) пришельцами на молдавской земле. Среди подобных работ можно выделить труды И. Нистора [Nistor, 2017: 212-219] и И. Болдура [Boldur, 2016].

Этот период характеризуется информацией общего порядка о русском населении края. Объясняется это стремлением к избеганию русской проблемы и усматриванием в русском (а точнее сказать – русскоязычном) населении возможных противников румынской власти.

– **1944-1991 гг.** – советский этап. В нем можно вычлениить 1986-1991 гг. – время «перестройки» в СССР, соответственно в союзных республиках, включая МССР. Этот период характеризуется формированием доминирующего мнения в российской и советской историографии о важности нахождения Бессарабии в границах Российской империи, а позже СССР;

различий двух этносов – молдаван и румын и влияния русской культуры и наследия на молдавскую культуру и идентичность.

Все исторические труды советского времени характеризовались принципами пролетарского интернационализма, с вычлениением классово-антагонистических противоречий в обществе.

Отдельные аспекты проблемы получили освещение в трудах Я. С. Гросула, И. Г. Будака, В. И. Жукова и др.

Специально этносоциальные сообщества изучались только в трудах советских демографов и этнографов: В. Кабузана, В. Зеленчука, А. Д. Бачинского. На исходе существования СССР успела увидеть свет книга И. Табак, ученицы В. С. Зеленчука.

– *1991 г. - по настоящее время* – годы молдавской независимости. Этот период характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, ему свойственны усиление интереса и целенаправленность изучения русского населения края, наряду с представителями других этносоциальных сообществ региона (данное направление реализуют сами представители этноинтеллектуальной элиты нацменьшинств и их коллеги из России). С другой стороны, можно говорить о развитии на новом витке времени румынской концепции межвоенного периода, где русские представлены оккупантами, а официальная история облечена в форму «истории румын», которую изучают учащиеся Молдовы практически уже тридцать лет [История румын и всеобщая история: Учеб. для XII кл., 2012; История румын и всеобщая история: Учеб. для 9 кл., 2013].

В постсоветский период в отделе национальных меньшинств АНМ, а позже в институте с одноименным названием был создан один из наиболее крупных отделов «истории, языка и культуры русского населения Республики Молдова». О нем и его сотрудниках мы уже рассказали читателю в книге из данной серии [Мухаметшин, Степанов, 2021], поэтому повторять нецелесообразно.

Стоит лишь с сожалением констатировать, что в современной историографии Молдовы сложились несколько направлений, которые так окончательно и не сформировались в единую общегосударственную концепцию. Назовем здесь промолдавское направление. Имея, казалось бы, все теоретические основания для того, чтобы выступать государствообразующей идеологией, данное направление не выработало механизмов для своего идеологического доминирования. Спотыкание произошло в начале 90-х гг., когда часть идейных представителей движения (В. Стати)¹ поддержала переход молдавского языка на латинскую графику, тем самым создав условия для унификации молдавского и румынского языков. В последующем молдовенисты отличились тем, что, как их оппоненты румынисты, ставили всевозможные преграды развитию русскокультурного направления в республике, оставив неопределенным статус русского языка (с его формальным обозначением – язык межнационального общения), по сути, отодвинув представителей русскокультурной общности от возможности включаться в политическую жизнь республики.

Молдовенизм самопровозглашенного Приднестровья также обрел свои специфические черты. Он, наоборот, стал ориентироваться на русскоязычное население, сведя молдоязычность до формата семейно-бытового использования (по принципу: не доволен – поезжай в соседнюю Молдову). Таким образом, можно утверждать, что молдовенизм не выработал устойчивой площадки для вариативности этноязыкового выбора, что и привело к определенному дистанцированию от него национальных меньшинств и их самозамыканию на отдельных этапах современности (яркий пример – образование гагаузской автономии). В этом смысле молдовенизм мало чем отличается от румынизма, подчеркивая необходимость всеобщего овладения государственным языком, неважно, как он называется – «молдавский» или «румынский».

Со сторонниками румынской идентичности намного понятнее: они ратуют за восстановление исторической справедливости и скорейшее включение Бессарабии и, по возможности, Левобережного Поднестровья (а можно и без него) в состав Великой Румынии.

Что касается национальных меньшинств Республики Молдова, то они за годы независимости оказались значительно идеологически обработаны и из массы русскокультурного населения были разбиты по этнокультурным интересам, с соответствующими чаяниями их этнорегиональных элит, что еще больше затрудняет интеграционные механизмы в их среде, превращая представителей национальных меньшинств в маргинальную массу, мечущуюся между этнокультурными ценностями своей этничности, языковыми приоритетами в обществе и исторической памятью русскокультурного наследия.

Исходя из представленных этнополитических ориентиров и колебаний вокруг них, в республике сложилась соответствующая историография по рассматриваемому вопросу. Представим несколько штрихов для ее характеристики.

Следует отметить, что благодаря централизации интересов в изучении русского населения в отдельном научном подразделении – Институте национальных меньшинств (позже – межэтнических исследований) АНМ выделились труды Ивана Антоновича Анцупова. В советский период он больше специализировался на аграрной истории, а в постсоветское время сосредоточил свое внимание на изучении истории русского населения в Бессарабии и Левобережном Поднестровье. Его труды «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII- XIX в.» [Анцупов, 1996]; «Казачество Российское между Бугом и Дунаем: Исторический очерк» [Анцупов, 2000]; «Русские на Очаковской земле. Исторические очерки» [Анцупов, 2003] считаются классическими в современной историографии вопроса о русском населении края.

Говоря о молдавских коллегах, нельзя не назвать глубокое исследование Н. В. Абакумовой-Забуновой «Русское население городов Бессарабии XIX в.» [Абакумова-Забунова, 1996]. Здесь же следует обозначить многочисленные публикации коллег по культуре старообрядчества Н. С.

Душаковой, Д. И. Латышева, А. А. Болученковой, Т. В. Зайковской, А. А. Маголы и мн. др. Подробнее современная историография старообрядчества в Республике Молдова представлена в публикации А. Пригарина [Пригарин, 2016: 108–113].

Следует обозначить такие труды коллег из Южной Украины – Одесщины, как: книга А. А. Пригарина «Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [Пригарин, 2010]; коллективная монография «Буджак», подготовленная под редакцией группы одесских коллег А. И. Киссе, А. А. Пригарина, В. Н. Станко [Буджак, 2014].

Большую работу по популяризации исторической памяти, связанной со старообрядчеством, осуществляют представители старообрядческих общин Молдовы. Из-под их пера вышло несколько книг, освещающих историю старообрядчества края, ее видных персоналий, другие аспекты культурного наследия этой этноконфессиональной общности: Коркина А., Донцов П., Николаев Д. «Древность вечно живая» [Коркина, Донцов, Николаев, 2002]; Донцов П., Николаев Д. «Третий лик» [Николаев, Донцов, 2007] и др.

В постсоветские годы вышли многочисленные публикации о русском населении Левобережного Поднестровья и политике русских властей в XIX в., подготовленные историками П. М. Шорниковым, Н. В. Бабилунгой, В. А. Соделем [Шорников, 2007; Шорников, 2009; Шорников, 2018; Бабилунга, 2020; Содоль, 2015 и др.], – преподавателями Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Их вместе с коллегами из Кишинева В. Н. Стати, В. Ф. Степанюком, С. М. Захарией и мн. др. можно отнести к сторонникам молдовенистской концепции, направленной на подчеркивание самобытности молдавского народа [Стати, 2002; Степанюк, 2006; Nazaria, Stepaniuc, 2010]. В числе подобных работ следует отдельно выделить книгу В. Н. Стати «Молдавия и Россия. Исторические связи и сотрудничество» (1480–1818)» [Стати, 2017]. Данная книга важна тем, что в новом формате исторического развития российско-молдавских отношений двух независимых государств осуществлена попытка возрождения научного направления, появившегося в Советской Молдавии и ориентированного на изучение исторических и культурных связей между двумя государствами. Подобная, если так можно выразиться, традиция, получив основу в дореволюционное время, на котором мы остановимся более подробно ниже, продолжилась в советский период, оставив немалое и разноплановое наследие². Собственно, данная публикация продолжает развивать это направление. Ему же посвящена недавно вышедшая в свет книга В. И. Цвиркуна и Ф. М. Мухаметшина «Память поколений. Исследование российско-молдавских исторических связей на территории Молдовы» [Цвиркун, Мухаметшин, 2020]; исследования В. И. Цвиркуна: «Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах» [Цвиркун, 2010], «Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Тома Кантакузино в письмах и документах» [Цвиркун, 2015]; монографии В. П. Степанова «Грани идентичностей» [Степанов, 2010], «Этнополитическое

конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.)» [Степанов, 2015]; «Русский Конгресс действует» [Степанов, 2018]; книга Мухаметшина Ф. М. и Степанова В. П. «Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего. Очерки постсоветского времени 1991–2020» [Мухаметшин, Степанов, 2021] и др.

Разговор был бы односторонним, если не упомянуть современные труды, авторы которых избегают или обвиняют не только русские и советские власти в судьбе края, но и предъявляют претензии к русскому населению региона.

Можно утверждать, что подобного рода работы в основной своей массе выходят из-под пера адептов теории румынизма. Назовем среди них труды таких авторов, как И. Ожог, И. Шаров, И. Гуменый, И. Цуркану и мн. др. [Ожог, Шаров, 1992; Gumenii, эл. ресурс (дата обращения: 01.07.20); Vasilos, эл. ресурс (дата обращения: 05.08.20); Turcanu, 1998; Turcanu, 2012 и др.]. Сегодня можно сказать, что подобная интерпретация прошлого представляет собой официальную позицию АН Молдовы, которая, правда, в настоящее время находится в «бесстатусном положении»³.

Кстати, в современной России также имеются сторонники румынской идентичности молдаван. Среди работ такого рода укажем труды О. Грома⁴.

Большую работу по изучению прежде всего настоящего положения русского населения Республики Молдова осуществили сотрудники Института этнологии Российской академии наук. Здесь следует указать на труды Л. Н. Чижиковой [Чижикова, 1973], Л. В. Остапенко, И. А. Субботиной и С. Л. Нестеровой [Остапенко, Субботина, 1998; Остапенко, Субботина, Нестерова, 2012], М. Н. Губогло. Последний, наряду с исследованием проблем гагаузского населения, уделял немалое внимание роли русского языка в регионе [Губогло, 1979; Губогло, 1998; Губогло, 2004; Губогло, 2006 и др.].

Серьезную работу по изучению старообрядчества осуществляют российские исследователи И. В. Поздеева, Н. В. Литвина, О. Б. Харитоновна и др.

Завершая краткую характеристику историографического и этносоциального положения в республике, можно констатировать, что страна разделена не только на сторонников прорумынской и промолдавской идентичностей. На них накладываются еще и региональные идентичности юга республики, в частности АТО Гагаузия и заселенного большинством болгар Тараклийского района, а также самопровозглашенного Приднестровья, где русский фактор, наоборот, возведен в статус государствообразующего при формальном равенстве молдавской и украинской этнолингвистических составляющих.

Расселение и численность русского населения в Бессарабии XIX в. XIX в. в научной литературе Молдовы еще называют «русским». В этом, безусловно, имеется своя логика. Но вот любопытная деталь: при том, что русская политика конца XVIII-начала XIX в. во многом предопределяла судьбу края, а после 1812 г. Бессарабия и вовсе стала частью общерусского пространства, утверждать, что русское население здесь пользовалось какими-

то привилегиями или особым положением, было бы неверно. Да и изучалось оно долгое время эпизодически, обычно в общей массе с другими этносоциальными сообществами, проживающими в крае.

Итак, заметки о русском населении края, особенно в первой половине XIX в., носили отрывочный характер. Оседлое русское население многими авторами оценивалось критически в силу того, что приобретенная у османов территория, находящаяся на окраине империи, притягивала к себе многочисленных беглых, авантюристов и искателей приключений.

По данным В. Кабузана на 1818 г., в Южной Бессарабии находилось уже 16144 украинцев и 8049 русских. Хотя, по утверждению исследователя, только в 1807-1811 гг. их бежало около 47000 человек. Часть беглецов ушла за Прут, часть сумела расселиться в разных цинутах Бессарабии, некоторые вернулись обратно, «добровольно или по принуждению» [Кабузан, 1974: 26].

Миграции русского населения в Бессарабию продолжались с разной интенсивностью вплоть до отмены крепостного права (1861). Беглых привлекала свободная земля, отсутствие крепостничества, не последнюю роль играли благоприятные климатические условия.

В. С. Зеленчук привел слова одного из беглых поселян с. Троицкого Бендерского уезда: «Отцы наши вышли в 1828 г. из губерний Курской, Орловской. Теперь мы однодворцы, так сказать, резеши, на родине имели по 4 десятины на человека, а здесь по 30 десятин» [Зеленчук, 1979: 115].

В 1807-1828 гг. в крае ощущалось массовое переселение некрасовских казаков из Турции [Пригарин, 2010: 56 - 78]. Они основали ряд поселений – Новая Некрасовка, Старая Некрасовка, селились также в городах Южной Бессарабии. Тогда же, в первые десятилетия XIX в., а также на всем его протяжении продолжалась миграция в край старообрядческого населения, создавшего здесь ряд своих поселений: Грубно и Галишовка на Хотинщине, в Оргеевском уезде слобода Старообрядческая. При этом, как справедливо отмечал В. С. Зеленчук, наряду с народной колонизацией имела место правительственная переселенческая политика [Зеленчук, 1979: 172]. Противоречивые устремления, с одной стороны, освоить пустующие окраинные земли, а с другой, не превратить край в вольницу для беглых крепостных (а по большому счету, она таковой и являлась), во многом объясняют противоречивую политику в отношении к беглым из центральных регионов Украины и России, которая в разные годы не носила последовательного характера вплоть до отмены крепостного права.

Приток русского населения в Бессарабию и Левобережное Поднестрие продолжался и во второй половине XIX в., правда, с разной интенсивностью. Его спад в середине XIX в. объясняется Крымской войной и отменой крепостничества. Но в пореформенное время разного рода миграции в край усиливаются, и к концу XIX столетия русские уже составляют 123,1 тыс. чел. (6,4%) [Зеленчук, 1979: 178].

В первой половине XIX в. освещение русского населения во многом зависело от государственных интересов и задач, ставившихся перед

исследователями, большинство из которых представляли различные интересы государственных структур империи того времени.

Освещение русских в трудах И. С. Аксакова. Мы уже отмечали, что первые описания русского (да и не только русского) населения носили отрывочный, эпизодический характер. В определенном смысле исключением можно назвать наблюдения Ивана Сергеевича Аксакова.

Свои общие впечатления он представил в письмах к родным, где рисуемая им картина предстает в безрадостном виде: «Но чем более наблюдаешь этот край, тем сильнее убеждаешься в его нравственном бессилии. Русские здесь – поколение беглых, враждебное России. Недавно я говорил с одним бородачом-извозчиком и, увидав его бороду, обратился к нему с радостью, как к земляку... Он на приветствие отвечал очень сухо и объяснил, что „черт ли ему в России! Там мы жили под панями, а здесь мы вольные, молдаване и евреи народ добрый, с ними жить можно”. Когда он стал отзывать не совсем ласково про правительство и царя, то на замечание бывшего тут же одного нашего офицера сказал: „Ну что ж, мы царю служим, уйдем для него Турцию населять”. Подобные же речи слышал я и от многих русских. Я спрашивал людей, самых близких к молдаванскому народу, как поступит он в случае вторжения неприятеля в Бессарабию. „Одно только верно, – отвечали мне, – что он не побежит в Россию”. Россия является для них страшилищем, страной холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, и крепостное право, расстилающееся над Россией свинцовой тучей, пугает их невыразимо» [Аксаков, 1994: 212].

Как уже отмечалось, окраинное и недавнее нахождение Бессарабии в Российской империи делали ее по-своему привлекательной для тех, кто искал лучшей доли. Есть еще один немаловажный момент, который, думается, требует пояснения. В то время на стыке веков и империй население Бессарабии особенно остро испытывало потребность приспособиться к условиям повседневности, поэтому ничего удивительного нет, например, в том, что в первое время после 1812 г. немало семей предпочло уйти к османам за Дунай. Страх перед новым, стремление к привычному укладу жизни делали объяснимыми эти поступки.

Возвращаясь к личности И. С. Аксакова, следует напомнить, что он вошел в историографию еще и как крупный специалист по истории раскола⁵. Его труды и наблюдения касаются старообрядцев разных регионов России. Но мы сосредоточим внимание на изучении им бессарабских старообрядцев. Его работа называется «Записка о бессарабских раскольниках». В ней он поясняет: «Во исполнение возложенного на меня поручения собрать сведения о настоящем положении раскольничьих дел в Бессарабии, я объездил почти всю эту область и представляю здесь все свои замечания в совокупности» [Аксаков, 1886: 3, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

В названной записке Аксаков представил географию расселения староверов как в самой Бессарабии, так и в приграничных районах – «край, прилегающий к Турции, Молдавии и Австрии, служит издавна приютом бродягам всякого рода и местом постоянных сообщений наших русских

раскольников поповщинского толка с их заграничными единоверцами» [Аксаков, 1886: 2, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

Автор обратил внимание на то, что тайные переходы за границу империи и обратно запретить очень трудно, чему мешала сама природа, давшая, «так сказать у себя приют всем элементам бродяжничества» [Аксаков, 1886: 2, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)]. В числе прочих причин, существующих у подверженных смене места жительства, Аксаков указывает, что поселившиеся в Бессарабии «русские беглецы, сохранившие свой вольнолюбивый характер, множество разноплеменных бродяг и рыболовство в устьях Дуная делают Бессарабию вполне удобною для тайных пограничных сношений. К тому же большое число русских и иностранных колоний и пестрота вероисповеданий всякого рода производят как в православных жителях, так и в местных властях совершенное равнодушие к проявлениям тех или других религиозных мнений. Русские раскольники, какого бы ни были толка, называются здесь общим именем липован и даже иногда молокан, а невежество полицейских чиновников относительно значения каждой секты делает их еще более неспособными к особенному скрытому надзору за действиями старообрядцев» [Аксаков, 1886: 3, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

Вообще автор выделяет региональные особенности сношений бессарабских липован с зарубежными единоверцами. «В этом смысле следует необходимо отличать Верхнюю Бессарабию от Нижней, или собственно от Буджака, страны придунайской. Раскольники, живущие в первой (знаменитое между ними село Грубно Хотинского уезда), губернии западные и московское Рогожское кладбище преимущественно избирают для своих сношений Прут и речку Ракитну. Буджак с некрасовцами, с турецкими выходцами, с беглыми из России, Херсонская губерния, вообще весь южный Новороссийский край и Дон направляют свое движение к Дунаю» [Аксаков, 1886: 2, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

В записке Аксакова подробно представлены сведения о старообрядческих священниках и о роли их в религиозной мобилизации единоверцев. Однако помимо религиозной стороны старообрядцы осуществляли еще и коммерческие вылазки за границу, конкурируя с местными евреями в контрабандной торговле. Автор констатирует: «Невольнo убеждаешься, что при ловкости и хитрости, при напряженной бдительности и неутомимых стараниях раскольников, все полицейские меры к преграждению сношений и побегов, так вредных для России, оказываются совершенно недостаточными. Для этого нужен был бы сплошной забор из живых людей с неподкупною честностию; но такая благонадежная ограда, конечно, невозможна, почему и открывается необходимость в каких-нибудь других более существенных мерах» [Аксаков, 1886: 2, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)]. Добавим, что в конце своей записки Аксаков попытался внести конкретные предложения, направленные на изменение ситуации в среде старообрядцев. Следует сразу оговориться, что при всей своей патриотичности, предложения Аксакова оказались нерабочими.

В заслугу автора следует отнести его работу по вычленению русских старообрядческих поселений в крае, а также выявлению сложной внутриконфессиональной системы взаимоотношений внутри поповского раскола и влияния на общую ситуацию греческого духовенства: «К этому присоединилась и нелюбовь русских к грекам, страх подпасть под зависимость греческого духовенства, наконец, и то, что новая иерархия учреждена была собственно стараниями одних белокриницких монахов, при содействии иезуитов, без участия придунайских раскольничьих старожилов. Эти дунайские старожилы, состоя под турецким владычеством, много отличаются от австрийских раскольников, подчиняющихся непременно более или менее европейскому влиянию и из коих, как известно, некоторые заседали даже в Пражском сейме <...> Когда поставленный митрополитом архиерей прибыл на Дунай, то Серакёй не признал ни его, ни рукоположенного им попа Онисима; его примеру последовали часть Старой Славы, Каменки и Новой слободы (Новинов). Архиерей же избрал местом пребывания Журиловку, которая приняла его вместе с прочими русскими селениями в Турции» [Аксаков, 1886: 8, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

Аксаков демонстрирует целую систему, сложившуюся в старообрядческой среде. Делает он это не с симпатией, но одновременно признает, что «существует крепко организованное в своих частях общество, тесно сплоченное возбужденными извне преследованиями в одно твердое целое, проникнутое ложным, но сильным убеждением и фанатизмом, ежечасно разгорающимся, дружное, не дремлющее и бодро стерегущее каждый удобный для себя случай. Огромные капиталы состоят в его распоряжении, и пожертвования присылаются из самых отдаленных краев России, чему имеется много доказательств в делах Министерства и чему я приведу только два свежих примера. Недавно одна казачка в Уральске, умирая, завещала в пользу кишиневской старообрядческой часовни свое имущество, и деньги, пропутешествовав целый год, достигли наконец верно своего назначения. В прошлом году кишиневская купчиха Пелагея Федорова Пучница, продав все свое имение, с вырученною суммою удалилась за австрийскую границу. У раскольников свой маршрут, своя почта, свой энигматический язык, свои шпионы, своя стража; но все действия их сопровождаются глубочайшею скрытностью, между тем как внешнее их поведение большею частью тихо, смиренно, и они редко попадают в полицейских проступках» [Аксаков, 1886: 3, эл. ресурс (дата обращения: 12.06.2021)].

В заключение рассмотрения записки И. С. Аксакова хотелось бы привести слова современного исследователя А. А. Пригарина, справедливо отметившего, что о старообрядцах писали многие авторы: И. П. Липранди, И. С. Аксаков, А. А. Скальковский, Н. В. Варадинов и др. Их исследования, подчеркивает Пригарин, представляют собой «отчеты о деятельности иноверцев и возможных путях преодоления их заблуждений. При этом они выступают уникальными источниками информации из-за включенности в тексты ряда раритетных и оригинальных сведений <...> Аналогичных

взглядов и способов подачи материалов придерживались российские офицеры П. Дараган, А. Защук, А. Шмидт и др.» [Пригарин, 2010: 21]. Остается лишь добавить, что перечисленные авторы имели возможность влиять на формирование общественного мнения о населении Бессарабии и о крае в целом.

Русский этнограф Н. И. Надеждин. Путешествующий и описывающий русское население Южной Бессарабии в 1839 г. Н. И. Надеждин демонстрирует свои панрусистские взгляды: «Степь, степь и степь открывается за Аккерманом... Первая смена лошадей, через 23½ версты, называется Кибачи; вторая, через 19¾ верст, Сарьяры. Обе эти станции состоят из одиноких хуторков, торчащих на безбрежной степи. Меня поразило, что жители их, исправляющие почтовую гоньбу, настоящие русские; и не просто русские, но чистые велико-россияне, подмосковные велико-россияне! Кажется, им очень тепло здесь, на юге. Они разодеты щегольски, в цветных рубашках, в синих суконных армяках, шляпа набекрень, сапоги с напуском, борода расчесана и разглажена – что наши мещане и даже купцы! Женщины, впрочем, может быть, ради воскресного праздника, точно куколки, в немецких писаных платьях и кофтах. Вот они, наши старинные сказки: „Доселе русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух воочию проявляется!” Что ж? Тем лучше! Никто так не обрусит земли, как чистый москаль, настоящий русский!» [Надеждин, 1839, эл. ресурс (дата обращения: 30.07.2021): 345–346].

Труды офицеров Генерального штаба. Давайте и мы, уважаемый читатель, кратко остановимся на творчестве офицеров Генерального штаба, уже знакомых нам по анализу изучения других народов, проживавших в Бессарабии.

Н. Дараган остановился на представлении двух составляющих русского населения края: староверов и ортодоксальных русских, оказавшихся в крае в силу разных причин, в том числе и из-за заработков.

Он приводит краткую историю появления в Бессарабии некрасовцев: «Раскольники большею частью старообрядцы, некрасовцы, поселенные в г. Тучкове и окрестностях. Донские казаки, бежавшие с Дону еще при Петре Великом, во время Буслаевского мятежа к 1708 году и поселившиеся за Дунаем в кампанию 1810 и 11 года. Ген. Тучков склонил их к возвращению на русскую землю, по ходатайству командира молдавской армии Кутузова им были отведены земли близ Измаила, где они и построились, составя предместье Измаила, наименованного впоследствии, в 1812 году, в память основателя Тучковым. Не мудрено, что некрасовцы, жившие целое столетие среди мусульман, сохранили свои старообрядческие заблуждения и по возвращении в Россию думают, что одна их церковь осталась неприкосновенною от нововведений, противных истинному христианству. Признание одних старых икон и старых книг, служба на семи просфорах, не канонический напев не мешают им быть хорошими гражданами» [Дараган, 1849: 138]. Обратим внимание, что Дараган, при всем своем критическом отношении к староверам, одновременно подчеркивает их лояльность к

государству и умение быть «хорошими гражданами». Кстати, подобная позиция была достаточно смелой для офицера Генштаба в условиях официального отношения к старообрядцам в России.

Более опасными он называет молокан [Дараган, 1849: 138]. Напомним, что среди них были не только русские, но и украинцы (впрочем, в то время их относили к русскому народу, называя «малороссами»). Подобное отношение к молоканам отразилось, в частности, на характеристике населенных пунктов края. Говоря о Бендерах, исследователь отметил, что «Бендеры представляют неудобство в том, что в числе жителей находится около 1000 человек раскольников, между которыми находятся духоборы (6 челов.) и молоканы (160), не признающие священства и не поклоняющиеся иконам» [Дараган, 1849: 146].

Напомним, что два города – Тирасполь и Бендеры, ныне относящиеся к самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республике, были основаны и развиты при активном участии старообрядцев.

В связи с тем, что у бендерских староверов с 1827 г. имелась своя часовня, их называли часовниками [Городские легенды, эл. ресурс (дата обращения: 28.03.2021)].

Дараган подчеркивал серьезное экономическое значение русского населения в южных городах края, подспудно обращая внимание на миграцию русских в южные регионы страны: «Аккерман есть один из очень важных торговых городов Бессарабии <...> от этого в Аккермане находится уже теперь две гостиницы и 3 заездных дома. Они содержатся русскими, а потому совершенно отличаются от постоянных дворов в других городах Бессарабии, напоминая чисто русский быт и доказывая, что русские ремесленники находят много работы для себя в Аккермане» [Дараган, 1849: 143].

Помимо Бессарабии русские активно осваивали просторы Левобережного Поднестровья. Их описанию посвятил свое внимание подполковник А. А. Шмидт, назвавший их первыми оседлыми обитателями Херсонской губернии. Думается, однако, что он несколько ошибся. Скорее всего, он сделал свойственную его современникам ошибку, соотнося русских и малороссов в единое целое (напомним, так же поступал и Н. И. Надеждин). Особое внимание он обратил на русских раскольников, часть представителей которых переселилась в Украину еще при Петре I. Но и здесь не везде они встречали покой, что заставляло их двигаться еще дальше в степи, «где владычество России не было еще заметно». Здесь автор дал пояснение исходу части русских раскольников из Молдавии за Днестр, в ходе русско-турецкой войны, объяснив это уговорами графа Румянцева. Автор назвал 1240 семейств, покинувших Молдавию и основавших села Калиновку, Золотаревку и Плоское (Александрийского уезда) [Шмидт, 1863: 530].

Шмидт подчеркивал, что «великорусские выходцы подразделялись на многие секты или расколы; весьма многие из них были грамотные, имели в церквях древние рукописи и книги св. Писания...» [Шмидт, 1863: 530]. Однако последующие этносоциальные и внутривосточные события привели к определенным трансформациям в

среде староверов, на что указал автор: «Когда вследствие завоеваний Россия упрочила будущность края, правительство нашло необходимым вреднейшие секты удалить в Таврическую губернию и на Кавказ. Образование военного поселения также содействовало выходу многих из них в другие места, перепискою в мещане или целыми обществами, так, например, образовалось селение Плоское, Тираспольского уезда. Наконец, в позднейшее время, когда граф Никитин обратил внимание на присоединение их к единоверию, семейства лиц, составлявших оппозицию, были переселены в другие округа, в села, населенные малороссиянами и молдаванами, не склонными к принятию раскола» [Шмидт, 1863: 530].

Таким образом, наблюдения Шмидта лишний раз подтверждают озабоченность властей настроениями и передвижениями старообрядцев, которые считались людьми опасными и для власти неблагонадежными [Амбарцумов, 2014: 126 и др.].

Шмидт отмечает высокую конкурентоспособность «великороссиян» «опасным соперникам евреям, по своей предприимчивости, сметливости и по тому еще, что торговая деятельность первых резко отличается от торгашества последних». Сравнивая торговые отношения русских и евреев, автор находится явно на стороне первых: «Ознакомившись со всеми условиями какой-либо промышленности, москаль увеличивает размеры своей деятельности до тех пор, пока накопление его капитала превзойдет нужды оборота <...> Еврей имеет только в виду дать скорейший оборот своим деньгам, каким бы ни было путем, и не останавливается ни на одном предприятии. Вообще в тех местах, где основали свою торговлю великороссияне, евреям трудно укорениться, потому что они являются туда временными деятелями, не имеющими, следовательно, того кредита и опыта, какой приобрели русские долговременным трудом на одном и том же поприще» [Шмидт, 1863: 532].

Отдельным народам часто приписываются разного рода черты, которые становятся чуть ли не национальной визитной карточкой. Русским в определенном смысле искусственно было принято приписывать пьянство [Мединский, 2018 и др.]. Так вот Шмидт, говоря о староверах, отмечал: «Хотя русские склонны к пьянству не менее малороссиян, но оно встречается реже между раскольниками и даже местами вовсе не замечается, и ни в каком случае водка не доводится до кабалы у евреев». Одновременно автор подчеркивает, что «хмель порождает в русских большее буйство, чем в каком-либо другом народе» [Шмидт, 1863: 533].

Среди данных офицеров Генерального штаба наиболее полные сведения о населении края встречаются у А. И. Защука. Нисколько не принижая его заслуг в сборе и накоплении материала, в том числе по истории, этнографии и настоящему (на момент написания публикаций – 60-е гг. XIX в.) различных этноконфессиональных слоев населения, можно констатировать, что со второй половины XIX в. происходит процесс не только активизации накопления этнографического материала, но и появляется такое явление, как определенного рода компиляция сведений, взятых у более ранних авторов, чьи

работы стали библиографической редкостью. Это тоже в каком-то смысле оправдывало этнографическую науку, находившуюся в то время только в стадии формирования.

Текст А. Защук тоже не лишен определенных заимствований, однако еще раз подчеркнем, что это не делает его менее востребованным в научном плане, но констатировать это явление необходимо. Так, при характеристике русского населения Защук использует сведения, помещенные в работу Дарагана, с той лишь разницей, что Николай Михайлович характеризует старообрядцев, несмотря на их религиозные «заблуждения», как «хороших граждан» (см. выше), а Александр Иосифович меняет эпитет, обозначая их как «трудолюбивых граждан» [Защук, 1862: 386].

Вообще Защук начинает говорить о славянстве с древности, вспоминая походы Святослава, дружбу Стефана Великого с Москвой, Прутскую баталию Петра Великого, Румянцевское время [Защук, 1862: VII]. Этому раннему времени мы уделим внимание в следующей книге (под названием «Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего. XVI – конец XVIII в.»), над которой сейчас идет работа; читатель сможет с ней ознакомиться в 2022 г.). А если возвращаться к рассматриваемому времени XIX - начала XX вв., то комментарии Защука можно охарактеризовать как общие, но одновременно включающие в себя ряд зафиксированных им деталей. Он, в частности, подчеркивал, что «Южная Бессарабия издавна служила притоном беглым крепостным из Малороссии, западных и внутренних губерний России. Достигши благополучно южной Бессарабии, беглец мог свободно вздохнуть, заняться ремеслом по своему усмотрению, а прежде всего приписаться в мещане, на место какого-нибудь умершего. Общества же, состоявшие сами из людей, бежавших от крепостного состояния, редко отказывали кому-нибудь в этом одолжении. Обновившись другим именем и родством, бурлак выправлял себе бумагу, с которою и пускался по Бессарабии. Тут он был дома.

Таких бурлаков на промыслах было не десятки и не сотни» [Защук, 1862: 318–319].

Напомним уважаемому читателю, что «бурлаками» в те времена называли неженатых мужчин податных категорий. Это название постепенно превратилось в фамилию, которую и сегодня можно встретить среди жителей Молдовы разных национальностей.

Самым сподручным ремеслом, отмечал Защук, для бурлака была рыбная ловля в плавнях Дуная. Занимаясь ею, бурлаки никуда не приписывались, «рассыпались по плавням, бесчисленным лиманам и озерам, словом, в трущобу, где беглецы были свободны и в безопасности. Хозяевам заводов такие люди были под руку; бездомный бродяга, – кому он мог жаловаться на обиду, притеснение? С земскою полицией откупщикам, конечно, невыгодно было спорить, а потому, при проверке людей на заводах, все обстояло благополучно, все с законными и непросроченными видами. Таких бурлаков на промыслах было не десятки и не сотни. А чуть что-нибудь, невзгода, – недалеко и Турция. Бурлак-хозяин уделял часть, какую ему

вздумалось, и оба были довольны; первый был доволен кровом, ночным отдыхом, свежей и вкусной осетриной; второй – дешевым работником. Вдобавок рыбный откуп шел рука об руку с доживающим свой век откупом чарочным ⁶, а для бурлака-горемыки поддержка трехпробным была уже роскошью, за которую шла его добрая доля рыбы. На таких ходулях держался знаменитый промысел дунайский; на эти же данные рассчитывал и откуп Днестровский. Но время переменчиво. Уничтожение крепостного состояния дает возможность благоразумной и самостоятельной деятельности каждому...» [Защук, 1862: 319].

Автор обратил внимание на следующую деталь: в некоторых селениях великороссиян, как отмечал Защук, еще встречалась соха и работа в поле осуществлялась лошадьми, что исчезает, «причем за неимением других, входят малороссийские плуги, требующие, по своей тяжести, воловьей упряжи» [Защук, 1862: 249]. Данное наблюдение позволяет утверждать, что выходцы из центральных губерний России, о которых пишет Защук, вероятно, оказались в Бессарабии относительно недавно, практикуя привычную для России обработку земли лошадьми и сохой. Могла сказываться и этническая замкнутость на новом месте, что стиралось временем. Это подтверждает свидетельство данного автора о том, что в работе стали использовать украинский тяжелый плуг. К слову, во многих хозяйствах, расположенных вблизи немецких поселений, крестьяне использовали немецкий облегченный плуг, с которым можно было работать с применением лошадиной тяги.

Еще одно, явно не основное занятие, на которое обратил внимание А. Защук, – это ловля куропадок для продажи в Кишиневе и в Одессе. Защук подчеркнул, что с переходом Южной Бессарабии к Молдавии дунайские казаки, промышлявшие охотой и рыбной ловлей в устьях Дуная, «преобразованы в Новороссийское казачье войско и, за недостатком рыбы и дичи, вероятно, займутся ремеслом более мирным, но тем более полезным и прибыльным: хлебопашеством и скотоводством на местах нового своего поселения» [Защук, 1862: 314].

Защук подчеркивал, что рыболовство, до отделения южных регионов края к Молдавии, представляло собой доходную статью местного населения: «произведения Дунайских рыбных заводов шли в Молдавию, Австрию, внутреннюю Россию и Царство Польское» [Защук, 1862: 320].

Что касается раскольников, то они, по мнению Защука, в два раза превышали официальные цифры, которыми оперировали власти (если отталкиваться от сведений областного гражданского начальства, – 6483; а по данным духовной консистории – 6770 душ) [Защук, 1862: 385]. В работе «Этнография Бессарабской области» Защук назвал цифру проживающих в крае русских – 20000 д. о. п. По его утверждению, большая часть «великороссиян в Бессарабии – это ушедшие из разных российских губерний от рекрутства или помещиков. Многие из них еще и в последнее время, для избежания преследования полиции, поступают в молдавские семейства, принимая на себя имя умершего члена этого семейства» [Защук, 1863: 505].

Заметим, что подобная практика не только серьезно мешала вести учет населения, но и способствовала ассимиляции скрывающихся лиц.

Зашук перечислил наиболее известные группы раскольников: поповцы, беспоповцы, духоборцы, молокане и др., остановился на особенностях вероисповедания каждого из названных направлений.

Он обратил внимание на то, что многие из раскольников перешли в Бессарабию из Турции. «Это или потомки некрасовцев, или донских казаков, бежавших с Дона за Дунай еще при Петре Великом, во время Булавинского мятежа в 1708 году. После мира 1812 и 1829 годов они большею частью перешли в Бессарабию и были поселены по Дунаю и в г. Тучкове, предместьи кр. Измаила, а частью разделились и по другим местам области; селение Грушевка, Хотинского уезда, издавна населено ими.

Некрасовцы, жившие целое столетие среди мусульман, сохранили свои раскольничьи заблуждения и, по возвращении в Россию, думают, что одна их вера осталась неприкосновенною от нововведений, противных истинному христианству» [Зашук, 1862: 386].

Отражение особенностей русского населения Бессарабии в книге П. Н. Батюшкова. Уже достаточно много написано об историческом описании Бессарабии П. Н. Батюшковым. Согласно его концепции, это русский край. И он, собственно, начинает свою работу с раздела о «племенах румынском и русском» и их правах на эту землю. Иными словами, представлена концепция русского континуитета. Большое место отведено рассмотрению влияния славянской письменности на румынский язык (4-я глава). При этом в конце указанной главы автор констатирует, что «возрождение румынской школы и литературы в Молдавии и Валахии совершенно вытеснило из них в настоящем столетии (имеется в виду XIX в. – прим. авт.) славянский язык, который сохранился и сохраняется, наравне с румынским, только в русской Бессарабии, благодаря особым историческим условиям ее жизни» [Батюшков, 1892: 86]. Далее он еще подчеркивал: «Нет сомнения, что в прежние времена русская народность в крае была преобладающею по численности и что значительная часть русского населения в Бессарабии орумынилась уже впоследствии, благодаря, с одной стороны, довольно продолжительному политическому господству румын в крае и их национальной самозамкнутости и упругости, а с другой – сравнительной податливости русского населения» [Батюшков, 1892: 172].

В отдельной, 5-й главе П. Батюшков выделяет Бессарабию в качестве территории, непосредственно подчиненной владычеству турок.

Повествуя о переселении в Бессарабию славянского населения, Батюшков и автохтонных русинов, и малороссов, и украинских казаков относит к русскому населению [Батюшков, 1892: 101–104].

Описывая события после 1812 г., Батюшков представляет несколько потоков прибывающего в край русского населения, называя некрасовское казачество с устья Дуная. К нему же он относит и запорожских казаков, перешедших во главе с кошевым Осипом Головатым из Турции в русское

подданство в 1828 г. Среди казацких поселений называет он и жителей с. Петровка с поселенцами из Курской губернии [Батюшков, 1892: 140].

Говоря о русских поселенцах, автор отдельно выделял беглых русских людей, «бежавших сюда, кто от невыносимой барщины, кто от неприятной рекрутчины, кто просто во избежание религиозных притеснений или кары закона за преступления. Наплыв их начался еще с начала нынешнего столетия, до присоединения Бессарабии к России. Беглецы поселялись или в самой Бессарабии, или в ближайшем соседстве ее, в пределах Турции и Молдавии» [Батюшков, 1892: 146]. Несмотря на регламентацию притока населения (инструкции 1816, 1817, 1820 гг.), поток беглых в Бессарабию не уменьшался до назначения в 1834 г. в Бессарабию генерал-губернатором генерал-майора П. И. Федорова, который за годы своего управления краем выслал в Россию от 35 до 48 тысяч бродяг [Батюшков, 1892: 147]. Но по Андрианопольскому миру 1829 г. от Турции отошло гирло Дуная с «беглым русским населением». Автор перечислил десять населенных пунктов, в которых, по его утверждению, проживали русские (добавим, что в ряде из них проживали и украинцы, которых Батюшков от русских не отделял [Батюшков, 1892: 147]).

Как справедливо подчеркивал Батюшков, выявить беглых было не просто. В Бессарабии был даже налажен своего рода бизнес, когда на место умершего записывали вновь прибывшего. На подобную практику указывал еще А. Защук (см. выше).

Отдельно П. Батюшков остановился на переселении в край «раскольников-старообрядцев и сектантов», которые селились в основном в Северной и Южной Бессарабии. Автор обратил внимание на то, что староверы имели тесные контакты со своими единоверцами в Турции, которые «в сороковых годах нынешнего столетия служили удобною почвою для польских интриг против России» [Батюшков, 1892: 148].

Войну 1853-1856 гг. Батюшков представляет и как благоприятную для внутренней политики России. Небезосновательно он подчеркивает, что она ускорила отмену крепостничества, что в свою очередь привело к определенному сокращению побегов в Бессарабию и «вызвало в обширных размерах обратную эмиграцию из Турции» [Батюшков, 1892: 161–162].

Одновременно автор подчеркивает усиление «наших раскольников-старообрядцев, называемых липованами, в отошедшую к Молдавии южную Бессарабию, куда привлекал их порядок вещей в Румынии», здесь же Батюшков акцентировал внимание на том, что румынское правительство «оказывало благосклонность всяким, враждебным России, элементам и нерасположение к друзьям ее, с целью отразить от России и упрочить за собою новоприобретенную часть Бессарабии. Поэтому и раскольники-старообрядцы или липованы пользовались особым расположением румынского правительства» [Батюшков, 1892: 163–164].

Важно отметить, что Батюшков, в отличие от многих писавших о крае его современников, напрямую вынес на обсуждение проблему начала сопротивления румынской идеологии на юге Бессарабии – посредством русской. Он обратил внимание на церковную политику страны [Батюшков,

1892: 165, 167], поиск единомышленников среди населения (под него не попали болгары, нарушение свобод которых румынским правительством вынудило их переселиться в Азовские земли), серьезное внимание к народным школам с целью «сделать их могущественным орудием для румынизации страны» [Батюшков, 1892: 165]. Так продолжалось до Берлинского трактата, согласно которому Южная Бессарабия была возвращена России, но гирло Дуная с оставшейся частью русского населения остались в Румынии.

Батюшков обратил внимание на то, что в перешедших в состав России территориях юга Бессарабии сохранились некоторые следы румынского управления. «Особенно это нужно сказать о раскольниках старообрядцах, коих лжеепископ израильский Виссарион признан был русским правительством в его сане и свободно и открыто отправляет функции своего служения» [Батюшков, 1892: 170].

Автор неоднократно подчеркивал разного рода льготы, которыми обладало население Бессарабии после 1812 г. По нашему мнению, делал он это с определенной неохотой. В частности, говоря о молдавской церкви, он обратил внимание на то, что до 1871 г., когда Бессарабия стала губернией, в бессарабских монастырях и церквях богослужение совершалось исключительно на молдавском языке. В указанном году преосвященный Павел, вступив на молдавскую кафедру, «сделал распоряжение, чтобы в монастырях, где служба совершалась исключительно на молдавском языке, впредь богослужение совершалось до времени, по завету великого старца Паисия Величковского для Нямецкой лавры, на языках церковно-славянском и молдавском и образованы были русские клиросы, и чтобы во всех монастырях заведены были школы для обучения не устаревших еще монашествующих лиц русскому языку, Закону Божьему и проч.» [Батюшков, 1892: 174]

Кроме того, Батюшков утверждал: «Если мы хотим, чтобы русское население не орумынивалось более в этом крае, чтобы Бессарабия действительно была, а не считалась только русскою губерниею, не сделалась еще более предметом румынских вождедений и даже агитаций и была органически слита с остальною Россиею, – для этого необходимо путем школы ознакомить молдаванских крестьян с церковно-славянским языком и сделать их хотя бы наполовину русскими по языку» [Батюшков, 1892: 174]. Следует лишь добавить, что в истории не бывает ничего вечного, в современной Республике Молдова делается все наоборот относительно предложений Батюшкова. Таковы реалии наших дней.

Книга П. Н. Батюшкова представляет собой образчик русско-патриотического произведения, деятельно реагировавшего на активизацию прорумынских настроений в годы становления и окончательного укрепления позиций нового румынского государства, рассматривавшего Бессарабию в качестве части своей исторической территории.

Вероятно, и эта сторона проблемы способствовала тому, что Бессарабия в энциклопедии под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского была включена в Новороссийский край [Семенов-Тян-Шанский, 1910].

Книгу Батюшкова по-разному восприняли в научных кругах. Ее критиковал за тенденциозность А. И. Яцимирский, а в советской историографии Молдавии о ней критично отозвалась ней О. С. Лукьянец [Лукьянец, 1986: 70].

Л. С. Берг. Еще одна работа, уже упоминавшаяся в других главах книги, – монография Льва Семеновича Берга «Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство».

Весьма любопытную характеристику автор дает великороссам Бессарабии, ее следует процитировать. Собственно, с этих слов и начинается характеристика русского населения: «По переписи 1897 г. отмечено 8%. Это преимущественно пришлое, городское население, не всегда по своей национальности принадлежащее к великорусам, но говорящее на великорусском языке» [Берг, 1918: 122]. Таким образом, из слов автора, становится видно, что представители других национальностей, владея русским языком, зачастую выдавали себя за русских. Иными словами, политика распространения русского слова в крае была успешной.

Как выражается автор, «коренные великорусы Бессарабии – это старообрядцы» [Берг, 1918: 122]. Он, как и его предшественники, перечисляет основные события в судьбе местного старообрядчества, места их проживания.

Воспроизведение судеб русских беглецов на примере рассказа Бессарабца «В припрутских камышах». Нельзя не сказать несколько слов о литературном наследии, знакомящем читателя с русскими людьми и их культурой в то, уже достаточно далекое время (в XIX - начале XX в.).

Опять же, в силу известных причин, мы не сможем подробно остановиться на анализе творчества мастеров художественного пера.

В качестве примера приведем лишь один сюжет, дошедший до нас благодаря автору, публиковавшему свои произведения под псевдонимом Бессарабец.

Благодаря деятельному участию исследовательницы Ирины Ижболдиной современный читатель получил возможность познакомиться с литературой малых жанров, творениями авторов XIX - начала XX вв. [Ижболдина, 2012: 284]. В подборке Ижболдиной представлены произведения О. Накко, П. Крушевана, Д. Суручана и других писателей, известных читателю той бессарабской поры. Все эти авторы обладают одной особенностью: они не обманывают читателя. Нет, сказанное не означает, что в их сюжетных линиях не присутствует авторская фантазия. Но она теряется, она не видна в том огромном отражении тонкостей культуры повседневности, которыми характеризуется их художественное творчество.

При ознакомлении с произведениями названных авторов складывается общее впечатление об удивительной бесхитрости их рассказов. И это несколько не может быть объяснено отсутствием таланта или другими подобными обстоятельствами. Причина в другом: авторы, стараясь передать все подробности народной культуры повседневности, уходя в детали, представляли, на первый взгляд, наивный и описательный сюжет, одновременно обладающий глубокой этнографической содержательностью.

Кстати, и общество, которое описывается в данных произведениях, жило более незамысловатой, если так можно выразиться, простой жизнью, нежели та, которая характерна для нас.

Мы остановимся только на одном рассказе, написанном автором под псевдонимом Бессарабец ⁷.

Произведение называется «В припрутских камышах». Сюжет до банальности прост. Но вместе с тем он весьма объективно представляет положение беглых людей в Бессарабии, находящихся в поисках счастья. Кому-то везло, а кто-то оказывался в омуте испытаний, как герои этого рассказа.

Выше уже говорилось о том, как беглые находили приют в плавнях Дуная на рыболовных промыслах, где их практически никто не видел, кроме хозяина. Вот к такой артели, атаманом которой был, судя по имени и отчеству, русский (Иван Антонович), не любивший рассказывать о своем прошлом. Художественное изложение время от времени прерывается в рассказе документальной информацией, которая нисколько не нарушает сюжет, но поясняет происходящее и, соответственно, поведение героев. Вот один из комментариев: «Наша соседка Румыния, и будучи еще под турецкой опекой, и впоследствии, охотно давала у себя приют беглым, не справляясь об их прошлом, под неременным только условием, чтобы здесь, на новой родине, они вели себя смиренно и не были каким бы то ни было образом в тягость стране. Она терпела нелегальность положения выходца, мирилась с подозрительной подлинностью его личности, его документов, если таковые предъявлялись, до одной, однако, поры, пока выходец, так или иначе, не начинал казаться опасным, короче говоря, пока он не зарывался, тогда с ним не церемонились» [Бессарабец в кн. Ижболдина, 2012: 253].

Сюжетная линия разворачивалась следующим образом: в артель неожиданно ночью пришли: «парень лет под тридцать, высокий, плечистый брюнет, с окладистой вьющейся бородкой, оттенявшей его красивое, румяное лицо чисто русского типа, с темно-серыми глазами, лукаво глядевшими из-под черных бровей. Одет он был, как одеваются кацапы, промышленяющие на чужбине плотничьим ремеслом; под мышкой держал узелок, наскоро завязанный, как будто владелец его поспешно и неожиданно собрался в дорогу» [Бессарабец в кн. Ижболдина, 2012: 254]. С ним была девушка – молдаванка лет семнадцати - восемнадцати.

Они, Петр и Наталица, бежали от боера (помещика), на пути которого стал влюбленный парень. Рыбаки дали им приют – «не дать приюта бродяге или же выдать его начальству – это значило покрыть позором свою бродяжническую репутацию» [Бессарабец в кн. Ижболдина, 2012: 255].

Помещик был богат и злопамятен, он начал поиски. В артель приезжала полиция, но девушку рыбаки надежно спрятали, а парень в ту пору отсутствовал.

В это время в окрестностях участились разбойные нападения. Артельщики смекнули, что это дело рук Петра, но ничего ему не говорили.

Полиция допрашивала артельщиков, которые ничего не сказали. Разбойничьи выходы продолжались. Полицейские устроили настоящую

облаву, всех артельщиков связали, а «человек десять удалились за камыши, осторожно продвигаясь вперед – румынские полисмены особенной храбростью не отличаются» [цит. по Ижболдина, 2012: 257]. Там они нашли дремлющего разбойника. От шороха он проснулся. Пристрелил возлюбленную, а себя убить не успел, поскольку был оглушен сзади.

Финал таков: «Петра судили.

Судили и рыбаков, как соучастников и укрывателей.

Смертный приговор был вынесен двоим: Петру и старому атаману.

Обоих повесили в один и тот же день на косе. Трупы их были зарыты там же, а виселицы долго оставались не снятыми в назидание бродягам и перекатной голи, работавшим на пристанях, рыбачившим по Дунаю и плававшим на судах и суденышках по великой исторической реке, на берегах которой и в водах пролито, как говорят, столько человеческой крови, что можно было бы до краев наполнить ее ложе.

С той поры на косе никто не рыбачит. Рыбаки избегают это проклятое место, хотя от виселицы и следа не осталось» [Бессарабец в кн. Ижболдина, 2012: 257–258].

Оставим лирическую сторону произведения, хотя и она заслуживает внимания, только лишь подчеркнем объективность представленной картины – тяжелого положения беглого люда, бесправие которого напоминает перипетии героев романа Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии»⁸.

Конечно, авторов малой прозы, печатавшихся в региональных периодических изданиях, мог читать незначительный круг лиц. К тому же напомним, что грамотность населения явно оставляла желать лучшего. И тем не менее подобные произведения в немалой степени помогали увидеть не только проблемы, с которыми сталкивалось общество, но и изнанку жизни беглых, их человеческие страдания и боль.

Подводя краткий итог сказанному в данной публикации, хотелось бы обратить внимание на огромное число нераскрытых исторических лакун, которые еще ждут своих исследователей.

Примечания

1. Тогда, кстати, прорумынское направление еще себя не проявило.

2. В советский период в Молдавии была опубликована целая серия книг, объединенных идеей, нацеленной на укрепление исторических и духовных связей между Молдавией и Россией. Иногда к этому тандему присоединяли еще Украину. Для примера – [Дружба ковалась веками, 1980 и др.].

Целая серия работ было направлена на изучение литературного наследия между социалистическими республиками: [Румынско-русские литературные связи, 1964; Двойченко-Маркова, 1966; Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи, 1967; Молдавско-русско-украинские литературные связи, 1973; Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX в., 1979; Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в., 1982] и др.

3. В 2017 г. Академия наук Молдовы претерпела ряд реформ, в соответствии с которыми в октябре указанного года президент Молдовы Игорь Додон подписал закон, согласно которому ее отдельные структуры передаются на баланс Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова, а для распределения фондов финансирования научных исследований было создано Агентство по исследованиям и развитию, подчиненное правительству Молдовы.

4. В качестве примера показательной выступает коллективная монография с его участием. См.: [Кушко, Таки, при участии О. Грома, 2012 и др.]

5. Подробнее см.: [Трефолев, 1866: 602].

6. Винные (чарочные) откупа представляли собой систему налогообложения до введения акцизов. Смысл винного откупа заключался в том, что право торговли алкоголем в определенной местности получал тот, кто заплатил бóльшую сумму в казну, за что получал право открывать питейные заведения.

7. Бессарабец был штатным корреспондентом «Новороссийского телеграфа», «Бессарабского вестника». Автор художественной прозы: «Две семьи», «Контрабандисты», «Дикарка», «Святочный рассказ», «В припрутских камышах». Подробнее см.: [Ижболдина, 2012: 220]

8. Произведения Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии» и «Воля» («Беглые воротились»), опубликованы в журнале «Время» – [Данилевский, 1862; Данилевский, 1863]. Несколькими годами позже вышла в свет книга Данилевского «Новые места» [Данилевский, 1866].

Русские Бессарабии. Фото к статье В. П. Степанова «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в описании авторов России XIX – начала XX в.»

Russians of Bessarabia. Photo for the article by V.P. Stepanov "The Russian population of Bessarabia and the Left-Bank Dniester region as described by the authors of Russia in the 19th - early 20th centuries."

Фото 1. Семья липован, 1905 г. *Источник:* <https://mupankratov.livejournal.com/486811.html> (дата обращения: 21.08. 2021).

Photo 1. The Lipovan family, 1905. Source: <https://mupankratov.livejournal.com/486811.html> (date accessed: 21.08.2021).

Фото 2. «Типы» представителей русского населения Бессарабии. *Источник:* Добрынина Т. <http://dandimmargo.blogspot.com/2013/10/xix.html> (дата обращения: 02.09.2021).

Photo 2. "Types" of representatives of the Russian population of Bessarabia. Source: Dobrynina T. <http://dandimmargo.blogspot.com/2013/10/xix.html> (date accessed: 02.09.2021).

Фото 3. Вилковские галеры. Из коллекции (архива) Ю. Кожокару. *Источник:* <https://www.bessarabica.info/photos/100566> (дата обращения: 25.08.2021).

Photo 3. Vilково galleys. From the collection (archive) Y. Cojocar. Source: <https://www.bessarabica.info/photos/100566> (date accessed: 25.08.2021).

Фото 4. Современный памятник липованину в Вилково. *Источник:* 100 фото из Вилково. <https://mir-mak.livejournal.com/31277.html> (дата обращения: 23.09.2021).

Photo 4. Modern monument to Lipovanin in Vilково. Source: 100 photos from Vilково. <https://mir-mak.livejournal.com/31277.html> (date accessed: 23.09.2021).

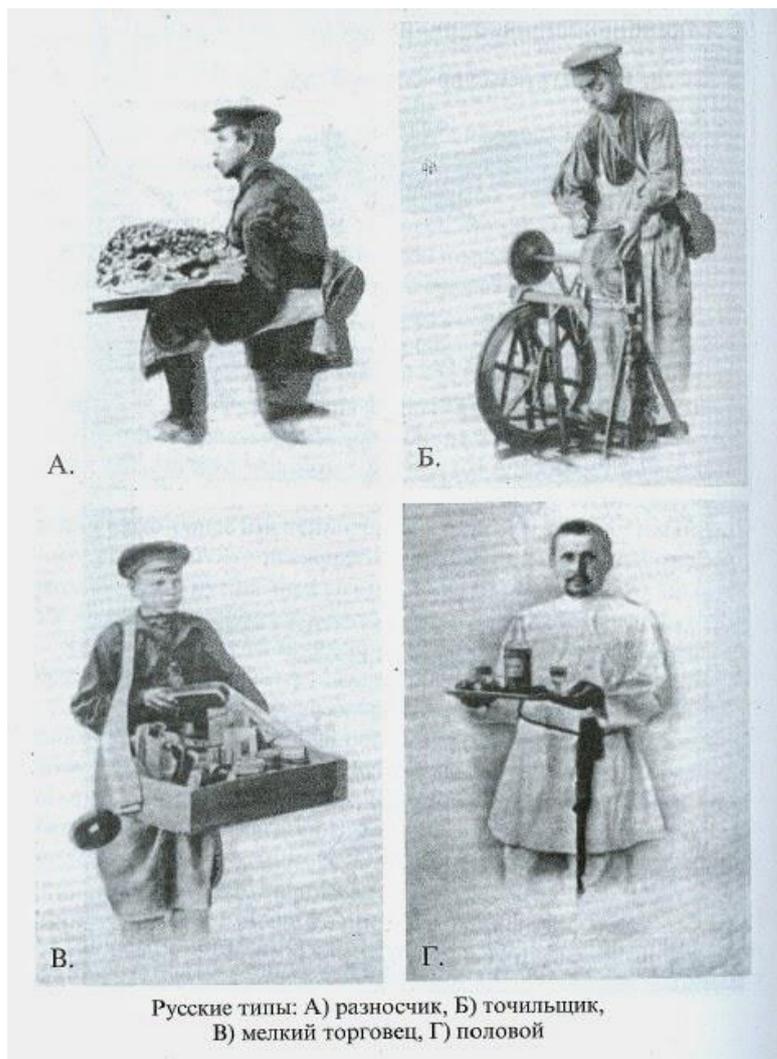
Фото 5. Современные лодки вилковцев ничем не отличаются от тех, что изготавливали их предки в XIX в. *Источник:* 100 фото из Вилково. <https://mir-mak.livejournal.com/31277.html> (дата обращения: 19.09.2021).

Photo 5. Modern boats of the Vilkovites are no different from those that were made by their ancestors in the 19th century. Source: 100 photos from Vilково. <https://mir-mak.livejournal.com/31277.html> (date accessed: 19.09.2021).

Фото 1.

Фото 2.

Φοτο 3.

Cherhanale Ia Vâlcov

Φοτο 4.

Фото 5.

Список литературы

на русском языке

Абакумова-Забунова, 2006 – *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев: Business-Elita, 2006. 520 с.

Аксаков, 1994 – Аксаков И. С. Письма к родным (1849–1856). Серия «Литературные памятники». Издание подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 212.

Аксаков, 1886, эл. ресурс – *Аксаков И. С.* Записка о бессарабских раскольниках. 1886. С. 3//<https://www.litres.ru/ivan-aksakov/zapiska-o-bessarabskih-raskolnikah/> (дата обращения: 12.06.2021).

Амбарцумов, 2014 – *Амбарцумов И. В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.) Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Дисс. ... канд. истор. наук. Спб., 2014. 596 с.

Анцупов, 1996 – *Анцупов И. А.* Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII – XIX в. Кишинев: Инесса, 1996. 248 с.

Анцупов, 2000 – *Анцупов И. А.* Казачество Российское между Бугом и Дунаем: Исторический очерк». Кишинев: Центр. тип. 2000. 285 с.

Анцупов, 2003 – *Анцупов И. А.* Русские на Очаковской земле. Исторические очерки. Кишинев: Инесса, 2003. 176 с.

Бабилунга, 2003 – *Бабилунга Н. В.* Бессарабия под русским правлением. История края в жизнеописании его губернаторов в XIX – начале XX вв. Тирасполь, 2020. 244 с.

Батюшков, 1892 – *Батюшков П. Н.* Бессарабия: историческое описание. С Высочайшего соизволения издано при Министерстве внутренних дел. Спб.: Общественная польза, 1892. XLIII, 177, 95 с.

Берг, 1918 – *Берг Л. С.* Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство. Петроград: Огни, 1918. VIII, 242 с.

Бессарабец, 2012 – *Бессарабец.* В Припрутских камышах. Из недалекого прошлого // Ижболдина И. «Живая старина»... С. 253 и далее

Буджак, 2014 – Буджак. Под ред. А.И. Кисее, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса: PostScriptUm — СМІЛ, 2014. 744 с.

Городские легенды, эл. ресурс – Городские легенды (часть 1) // https://bendery-ga.org/city_legends_1.html (дата обращения: 28.03.2021).

Губогло, 1979 – *Губогло М. Н.* Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1979. 158 с.

Губогло, 1998 – *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 809 с.

Губогло, 2004 – *Губогло М. Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М., 2004, 432 с.

Губогло, 2006 – *Губогло М. Н.* Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006. 498 с. и др.

Данилевский, 1862 – *Данилевский Г. П.* Беглые в Новороссии и («Беглые воротились») // «Время» (1862, № 1–2, и

Данилевский, 1863 – *Данилевский Г. П.* Воля // «Время» 1863, № 1–3.

Данилевский, 1886 – *Данилевский Г. П.* Новые места: Роман в 2 ч. Москва: Университетск. (Катков и К) тип., 1866. 243 с.

Дараган, 1849 – *Дараган Н. М.* Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XI. Ч. 3. Бессарабская область. Спб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. 308 с.

Двойченко-Маркова, 1966 – *Двойченко-Маркова Е. М.* Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М.: Наука, 1966. 279 с.

Дружба ковалась веками, 1980 – Дружба ковалась веками (Молдавско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.) / Н. А. Мохов; Отв. ред. М. П. Мунтян. Кишинев: Штиинца, 1980. 280 с.

Защук, 1862 – *Защук А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Ч. 1. Спб.: Тип. Э. Веймара. 1862. 582 с.

Защук, 1863 – *Защук А. И.* Этнография Бессарабской области // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 491 – 589.

Зеленчук, 1979 – *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, Штиинца, 1979. 287 с.

Ижболдина, 2012 – *Ижболдина И.* «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. Кишинев: Civitas, 2012. 284 с.

История румын и всеобщая история: Учеб. для XII кл., 2012 – История румын и всеобщая история: Учеб. для XII кл. / Игор Кашу, Игор Шаров (коорд.), Виржил Пысларюк, Флавиус Соломон, Павел Чебушкэ. Кишинев: Cartier educațional, 2012. 144 с.

История румын и всеобщая история: Учеб. для 9 кл., 2013 – История румын и всеобщая история: Учеб. для 9 кл. / Игор Шаров, Игор Кашу, Майя Добзеу [et al.]. Кишинев: Cartdidact, 2013 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”). 124 p. и др.

Кабузан, 1974 – Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Под ред. В. С. Зеленчука. Кишинев, Штиинца, 1974. 160 с.

Коркина, Донцов, Николаев, 2002 – *Коркина А., Донцов П., Николаев Д.* Древность вечно живая. Кишинев: Serv-Grafica, 2002. 191 с.

Кушко А., Таки В., при участии О. Грома, 2012 – *Кушко А., Таки В., при участии О. Грома.* Бессарабия в составе Российской империи 1812 – 1917. М.: НЛО, 2012. 400 с.

Николаев, Донцов, 2007 – *Николаев Д., Донцов П.* Третий лик. Кишинев, «Grafic-Design», 2007. 324 с.

Лукьянец, 1986 – *Лукьянец О. С.* Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1986. 112 с.

Шмидт, 1863 – *Шмидт А.* Материалы для военной географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Ч. 1. Составитель Генерального штаба подполковник А. Шмидт. СПб., 1863. 632 с.

Мединский, 2018 – *Мединский В. Р.* Мифы о русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ООО «Издательство „Эксмо“», 2018. 660 с.

Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи, 1967 – Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи / [редакционная коллегия И. К. Вартичан, Г. Ф. Богач, К. Ф. Попович]. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. 219 с.

Молдавско-русско-украинские литературные связи, 1973 – Молдавско-русско-украинские литературные связи / Институт языка и литературы АН МССР. Сост., вступ. ст. и коммент. П. Савка. Ред. К. Ф. Попович. Кишинев: Штиинца, 1973. 208 с.

Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX в., 1979 – Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX в. / Институтул де лимбэ ши литературэ (Академия де Штиинца а РССМ). Кишинев: Штиинца, 1979. 283 с.

Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в., 1982 – Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в. Попович К. Ф. (ред.). Кишинев: Штиинца, 1982. 266 с.

Мухаметшин, Степанов, 2021 – *Мухаметшин Ф. М., Степанов В. П.* Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего. Очерки постсоветского времени 1991–2020. М.: Прогресс-традиция, 2021. 416 с.

Надеждин, 1839, эл. ресурс – *Надеждин Н. И.* Прогулки по Бессарабии. 1839. С. 345–346. // <http://www.voskres.ru/history/nadejdin3.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

Ожог, Шаров, 1992 – *Ожог И. А., Шаров И. М.* Краткий курс лекций по истории румын. Кишинев: Молдавский гос. ун-т, Ч. 1, 1992. 58 с.

Остапенко, Субботина, 1998 – *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские Молдавии: миграция или адаптация. Отв. ред. М. Н. Губогло. М.: 1998. 230 с.;

Остапенко, Субботина, Нестерова, 2012 – *Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л.* Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012. 403 с.

Пригарин, 2010 – *Пригарин А. А.* Русские старообрядцы на Дунае. Одесса–Измаил–Москва: «СМИЛ» – «Археодоксия», 2010. 528 с.

Пригарин, 2016 – *Пригарин А.* Актуальная историография старообрядчества в Республике Молдова // *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XIX. Chișinău, 2016. С. 108–113.

Россия, 1910 – Россия. Т. 14. Новороссия и Крым. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Девриен, 1910. 983 с.

Румынско-русские литературные связи, 1964 – Румынско-русские литературные связи второй половины XIX – начала XX века. М.: Наука, 1964 под ред. И.И. Анисимова и др.

Содоль, 2015 – *Содоль В. А.* Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962). Тирасполь: Издательство «Stratum plus» Р.Р., 2015. 256 с.

Стати, 2002 – *Стати В.* История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală. 2002. 480 с.

Стати, 2017 – *Стати В. Н.* Молдавия и Россия. Исторические связи и сотрудничество (1480–1818). Кишинев: Центр. Тип., 2017. 696 с.

Степанов, 2010 – *Степанов В. П.* Грани идентичностей. Кишинев: ElanInc, 2010. 596 с.

Степанов, 2015 – *Степанов В. П.* Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва; Тирасполь, РИСИ, 2015.

Степанов, 2018 – *Степанов В. П.* Русский Конгресс действует. Кишинев: Б. и. 2018. 524 с.

Степанюк, 2000 – *Степанюк В.* Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев: Tipografia Centrală. 2006. 630 с.

Трефолев, 1866 – *Трефолев Л. Л.* Странники (Из истории раскола) // Русский архив, 1866, № 4. С. 327 – 340.

Цвиркун, 2010 – *Цвиркун В. И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. Санкт-Петербург, «Нестор-История», 2010. 412 с.

Цвиркун, 2015 – *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Томы Кантакузино в письмах и документах. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2015. 216 с.

Цвиркун, Мухаметшин, 2020 – *Цвиркун В.И., Мухаметшин Ф.М.* Память поколений. Исследование российско-молдавских исторических связей на территории Молдовы. Издательство: «Прогресс-Традиция», 2020. 368 с.

Чижикова, 1973 – *Чижикова Л. Н.* Этнографические особенности русского населения Молдавии // Советская этнография, 1973, № 3. С. 28–43.

Шорников, 2007 – *Шорников П. М.* Молдавская самобытность / Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Союз молдаван Приднестровья. Научно-исследовательская лаборатория «История Приднестровья». Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2007. 400 с.

Шорников, 2018 – *Шорников П. М.* Поля падения. Кишинев, 2009. 200 с.; он же. Народное православие в Молдавии. Очерки истории. Тирасполь: ИСПИРР, 2018. 232 с.

Шорников, 2018 – *Шорников П. М.* Народное православие в Молдавии. Очерки истории. Тирасполь: ИСПИРР, 2018. 232 с.

на румынском языке

Boldur, 2016 – *Boldur A.* Istoria Basarabiei. București. Vol. 2: Sub dominația rusă (1812-1918). Basarabia Românească. Unirea - analiza psihologică. 2016. 270 с.

Gumenii, эл. ресурс (дата обращения: 01.07.20) - *Gumenii I.* Documente Unitatea Poporului Român. Chișinău: 2019. 393 p.; Rusnac M. Basarabia sub stăpânirea rusească (1812–1914) // <https://istoriabasarabiei.wordpress.com/2009/09/20/mircea-rusnac-basarabia-sub-stapanirea-ruseasca-1812-1914/> (дата обращения: 01.07.20)

Nazaria, Stepaniuc, 2010 – *Nazaria S., Stepaniuc V.* Problema Basarabiei și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris, 1917–1947. Chișinău: Tipografia Centrală, 2010. 392 p.

Nistor, 2017 – *Nistor I.* Istoria Basarabiei / Ion Nistor; pref.: Virgil Pâslariuc. București: Humanitas, 2017. С. 212 – 229.

Vasilos, эл. ресурс (дата обращения: 05.08.20) – *Vasilos V.* Marile puteri și anexarea Basarabiei la 1812 // https://utm.md/meridian/2012/MI_3_2012/14_Art_Vasilos_Anexarea_Basarabiei_la_1812.pdf (дата обращения: 05.08.20).

Țurcanu, 1998 – *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România în anul 1918. Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. 260 p.

Țurcanu, 2012 – *Țurcanu I.* Bessarabiana: Teritoriul dintre Prut și Nistru în câteva ipostaze istorice și reflecții istoriografice. Chișinău: Cartdidact, 2012. 344 p.

References

na ruskom yazyke

- Abakumova-Zabunova, 2006 – *Abakumova-Zabunova N. V.* Russkoe naselenie gorodov Bessarabii XIX v. Kishinev: Business-Elita, 2006. 520 s.
- Aksakov, 1994 – *Aksakov I. S.* Pis'ma k rodnym (1849–1856). Seriya «Literaturnye pamyatniki». Izdanie podg. T. F. Pirozhkova. M.: Nauka, 1994. S. 212.
- Aksakov, 1886, el. resurs – *Aksakov I. S.* Zapiska o bessarabskih raskol'nikah. 1886. C. 3//<https://www.litres.ru/ivan-aksakov/zapiska-o-bessarabskih-raskolnikah/> (data obrashcheniya: 12.06.2021).
- Ambarcumov, 2014 – *Ambarcumov I. V.* Nepravoslavnye hristianskie ispovedaniya v sisteme rossijskoj gosudarstvennosti (konec XIX v. – iyul' 1914 g.) Special'nost' 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya. Diss. ... kand. istor. nauk. Spb., 2014. 596 s.
- Ancupov, 1996 – *Ancupov I. A.* Russkoe naselenie Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ya v konce XVIII – XIX v. Kishinev: Inessa, 1996. 248 s.
- Ancupov, 2000 – *Ancupov I. A.* Kazachestvo Rossijskoe mezhdru Bugom i Dunaem: Istoricheskij ocherk». Kishinev: Centr. tip. 2000. 285 s.
- Ancupov, 2003 – *Ancupov I. A.* Russkie na Ochakovskoj zemle. Istoricheskie ocherki. Kishinev: Inessa, 2003. - 176 s.
- Babilunga, 2003 – *Babilunga N. V.* Bessarabiya pod russkim pravleniem. Istoriya kraja v zhizneopisanii ego gubernatorov v XIX – nachale HKH vv. Tiraspol', 2020. 244 s.
- Batyushkov, 1892 – *Batyushkov P. N.* Bessarabiya: istoricheskoe opisanie. S Vysochajshego soizvoleniya izdano pri Ministerstve vnutrennih del. Spb.: Obshchestvennaya pol'za, 1892. XLIII, 177, 95 s.
- Berg, 1918 – *Berg L. S.* Bessarabiya. Strana. Lyudi. Hozyajstvo. Petrograd: Ogni, 1918. VIII, 242.
- Bessarabec, 2012 – *Bessarabec.* V Priprutskih kamyshah. Iz nedalekogo proshlogo // Izboldina I. «ZHivaya starina»... S. 253 i dalee
- Budzhak, 2014 – Budzhak. Pod red. A.I. Kisee, A.A. Prigarin, V.N. Stanko. Odessa: PostScriptUm — SMIL, 2014. 744 s.
- Gorodskie legendy, el. resurs – Gorodskie legendy (chast' 1) // https://bendery-ga.org/city_legends_1.html (data obrashcheniya: 28.03.2021).
- Guboglo, 1979 – *Guboglo M. N.* Razvitie dvuyazychiya v Moldavskoj SSR. Kishinev: SHtiinca, 1979. 158 s.
- Guboglo, 1998 – *Guboglo M. N.* YAzyki etnicheskoy mobilizacii. M.: SHkola «YAzyki ruskoj kul'tury», 1998. 809 s.
- Guboglo, 2004 – *Guboglo M. N.* Russkij yazyk v etnopoliticheskoj istorii gagauzov (vtoraya polovina HKH veka). M., 2004, 432 s.
- Guboglo, 2006 – *Guboglo M. N.* Imenem yazyka. Ocherki etnokul'turnoj i etnopoliticheskoj istorii gagauzov. M., 2006. 498 s. i dr.

- Danilevskij, 1862 – *Danilevskij G. P.* Beglye v Novorossii i («Beglye vorotilis») // «Vremya» (1862, № 1–2, i).
- Danilevskij, 1863 – *Danilevskij G. P.* Volya//«Vremya» 1863, № 1–3.
- Danilevskij, 1886 – *Danilevskij G. P.* Novye mesta: Roman v 2 ch. Moskva: Universitetsk. (Katkov i K) tip., 1866. 243 s.
- Daragan, 1849 – *Daragan N. M.* Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii: izdavaemoe po Vysochajshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo SHTaba. T. XI. CH. 3. Bessarabskaya oblast'. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo SHTaba, 1849. 308 s.
- Dvojchenko-Markova, 1966 – *Dvojchenko-Markova E. M.* Russko-rumynskie literaturnye svyazi v pervoj polovine XIX veka. M.: Nauka, 1966. 279 s.
- Druzhba kovalas' vekami, 1980 – Druzhba kovalas' vekami (Moldavsko-ukrainskie svyazi s drevnejshih vremen do nachala XIX v.) / N. A. Mohov; Otv. red. M. P. Muntyan. Kishinev: SHtiinca, 1980. 280 s.
- Zashchuk, 1862 – *Zashchuk A.* Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'. CH. 1. SPb.: Tip. E. Vejmar. 1862. 582 s.
- Zashchuk, 1863 – *Zashchuk A. I.* Etnografiya Bessarabskoj oblasti // ZOOID. T. V. Odessa, 1863. S. 491 – 589.
- Zelenchuk, 1979 – *Zelenchuk V. S.* Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. (Etnicheskie i social'no-demograficheskie processy). Kishinev, SHtiinca, 1979. 287 s.
- Izhboldina, 2012 – *Izhboldina I.* «ZHivaya starina» v proizvedeniyah russkih literatorov Bessarabii konca XIX – nachala XX vv. Kishinev: Civitas, 2012. 284 s.
- Istoriya rumyn i vseobshchaya istoriya: Ucheb. dlya XII kl., 2012 – Istoriya rumyn i vseobshchaya istoriya: Ucheb. dlya XII kl. / Igor Kashu, Igor SHarov (koord.), Virzhil Pyslaryuk, Flavius Solomon, Pavel CHEbushke. Kishinev: Cartier educational, 2012. 144 c.
- Istoriya rumyn i vseobshchaya istoriya: Ucheb. dlya 9 kl., 2013 – Istoriya rumyn i vseobshchaya istoriya: Ucheb. dlya 9 kl. / Igor SHarov, Igor Kashu, Majya Dobzeu [et al.]. – Kishinev: Cartdidact, 2013 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”). 124 p. i dr.
- Kabuzan, 1974 – *Kabuzan V. M.* Narodonaselenie Bessarabskoj oblasti i levoberezhnyh rajonov Pridnestrov'ya (konec XVIII – pervaya polovina XIX v.). Pod red. V. S. Zelenchuka. Kishinev, SHtiinca, 1974. 160 s.
- Korkina, Doncov, Nikolaev, 2002 – *Korkina A., Doncov P., Nikolaev D.* Drevnost' vechno zhivaya. Kishinev: Serv-Grafica, 2002. 191 s.
- Kushko A., Taki V., pri uchastii O. Groma, 2012 – *Kushko A., Taki V., pri uchastii O. Groma.* Bessarabiya v sostave Rossijskoj imperii 1812 – 1917. M.: NLO, 2012. 400 s.
- Nikolaev, Doncov, 2007 – *Nikolaev D., Doncov P.* Tretij lik. Kishinev, «Grafis-Design», 2007. 324 s.

- Luk'yanec, 1986 – *Luk'yanec O. S.* Russkie issledovateli i moldavskaya etnograficheskaya nauka v XIX – nachale XX v. Kishinev: SHtiinca, 1986. 112 s.
- Shmidt, 1863 – *Shmidt A.* Materialy dlya voennoj geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Hersonskaya guberniya. CH. 1. Sostavitel' General'nogo shtaba podpolkovnik A. SHmidt. SPb., 1863. 632 s.
- Medinskij, 2018 – *Medinskij V. R.* Mify o russkom p'yanstve, leni i zhestokosti. M.: OOO «Izdatel'stvo „Eksmo“», 2018. 660 s.
- Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye i fol'klornye svyazi, 1967 – Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye i fol'klornye svyazi / [redakcionnaya kollegiya I. K. Vartichan, G. F. Bogach, K. F. Popovich]. Kishinev: Kartya moldovenyaske, 1967. 219 s.
- Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi, 1973 – Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi / Institut yazyka i literatury AN MSSR. Sost., vstup. st. i komment. P. Savka. Red. K. F. Popovich. Kishinev: SHtiinca, 1973. 208 s.
- Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi vtoroj poloviny XIX v., 1979 – Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi vtoroj poloviny XIX v. / Institutul de limbe shi literature (Akademiya de SHtiince a RSSM). Kishinev: SHtiinca, 1979. 283 s.
- Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi nachala XX v., 1982 – Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye svyazi nachala XX v. Popovich K. F. (red.). Kishinev: SHtiinca, 1982. 266 s.
- Muhametshin, Stepanov, 2021 – *Muhametshin F. M., Stepanov V. P.* Rossiya i Moldova: mezhdru naslediem proshlogo i gorizontami budushchego. Ocherki postsovetskogo vremeni 1991–2020. M.: Progress-tradiciya, 2021. 416 s.
- Nadezhdin, 1839, el. resurs – *Nadezhdin N. I.* Progulki po Bessarabii. 1839. S. 345–346. // <http://www.voskres.ru/history/nadejdin3.htm> (data obrashcheniya: 30.07.2021).
- Ozhog, Sharov, 1992 – *Ozhog I. A., Sharov I. M.* Kratkij kurs lekcij po istorii rumyn. Kishinev: Moldavskij gos. un-t, CH. 1, 1992. 58 s.
- Ostapenko, Subbotina, 1998 – *Ostapenko L. V., Subbotina I. A.* Russkie Moldavii: migraciya ili adaptaciya. Otv. red. M. N. Guboglo. M.: 1998. 230 s.;
- Ostapenko, Subbotina, Nesterova, 2012 – *Ostapenko L. V., Subbotina I. A., Nesterova S. L.* Russkie v Moldavii. Dvadcat' let spustya... (etnosociologicheskoe issledovanie). M.: IEA RAN, 2012. 403 s.
- Prigarin, 2010 – *Prigarin A. A.* Russkie starobryadcy na Dunae. Odessa–Izmail–Moskva: «SMIL» – «Arheodoksiya», 2010. 528 s.
- Prigarin, 2016 – *Prigarin A.* Aktual'naya istoriografiya starobryadchestva v Respublike Moldova // Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. XIX. Chișinău, 2016. S. 108–113.
- Rossiya, 1910 – Rossiya. T. 14. Novorossiya i Krym. Pod red. V. P. Semenova-Tyan-SHanskogo. SPb.: Devrien, 1910. 983 s.
- Rumynsko-russkie literaturnye svyazi, 1964 – Rumynsko-russkie literaturnye svyazi vtoroj poloviny XIX – nachala HKH veka. M.: Nauka, 1964 pod red. I.I. Anisimova i dr.;

- Sodol', 2015 – *Sodol' V. A.* Monastyri Sovetskoy Moldavii: vzaimootnosheniya s gosudarstvom i hozyajstvennaya deyatelnost' (1944–1962). Tiraspol': Izdatel'stvo «Stratum plus» P.P., 2015. 256 s.
- Stati, 2002 – *Stati V.* Istoriya Moldovy. Kishinev: Tipografia Centrală. 2002. - 480 s.;
- Stati, 2017 – *Stati V. N.* Moldaviya i Rossiya. Istoricheskie svyazi i sotrudnichestvo (1480–1818). Kishinev: Centr. Tip., 2017. 696 s.
- Stepanov, 2010 – *Stepanov V. P.* Grani identichnostej. Kishinev: ElanInc, 2010. 596 s.
- Stepanov, 2015 – *Stepanov V. P.* Etnopoliticheskoe konstruirovaniye grazhdanskoy identichnosti na dvuh beregah Dnestra (1989–2014 gg.). Moskva; Tiraspol', RISI, 2015.
- Stepanov, 2018 – *Stepanov V. P.* Russkij Kongress dejstvuet. Kishinev: B. i. 2018. 524 s.
- Stepanyuk, 2000 – *Stepanyuk V.* Gosudarstvennost' moldavskogo naroda: istoricheskie, politicheskie i pravovye aspekty. Kishinev: Tipografia Centrală. 2006. 630 s.;
- Trefolev, 1866 – *Trefolev L. L.* Stranniki (Iz istorii raskola) // Russkij arhiv, 1866, № 4. S. 327 – 340.
- Tsvirkun, 2010 – *Tsvirkun V. I.* Dimitrij Kantemir. Stranicy zhizni v pis'mah i dokumentah. Sankt-Peterburg, «Nestor-Istoriya», 2010. 412 s.
- Tsvirkun, 2015 – *Tsvirkun V. I.* Soratnik Petra Velikogo. Istoriya zhizni i deyatelnosti Tomy Kantakuzino v pis'mah i dokumentah. Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriya», 2015. 216 s.
- Tsvirkun, Muhametshin, 2020 – *Tsvirkun V.I., Muhametshin F.M.* Pamyat' pokolenij. Issledovanie rossijsko-moldavskih istoricheskikh svyazej na territorii Moldovy. Izdatel'stvo: «Progress-Tradiciya», 2020. 368 s.
- Chizhikova, 1973 – *Chizhikova L. N.* Etnograficheskie osobennosti russkogo naseleniya Moldavii//Sovetskaya etnografiya, 1973, № 3. S. 28–43.
- Shornikov, 2007 – *Shornikov P. M.* Moldavskaya samobytnost' / Pridnestrovskij Gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko. Soyuz moldavan Pridnestrov'ya. Nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya «Istoriya Pridnestrov'ya». Tiraspol': Izdatel'stvo Pridnestrovskogo universiteta, 2007. 400 s.
- Shornikov, 2018 – *Shornikov P. M.* Polya padeniya. Kishinev, 2009. 200 s. on zhe. Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii. Tiraspol': ISPIRR, 2018. 232 s.
- Shornikov, 2018 – *Shornikov P. M.* Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii. Tiraspol': ISPIRR, 2018. 232 s.

na rumynskom yazyke

- Boldur, 2016 – *Boldur A.* Istoria Basarabiei. București. Vol. 2: Sub dominația rusă (1812-1918). Basarabia Românească. Unirea - analiza psihologică. 2016. 270 s.
- Gumenii, el. resurs (data obrashcheniya: 01.07.20) - *Gumenii I.* Documente Unitatea Poporului Român. Chișinău: 2019. 393 p.; Rusnac M. Basarabia sub

stăpânirea rusească (1812–1914)

<https://istoriabasarabiei.wordpress.com/2009/09/20/mircea-rusnac-basarabia-substapanirea-ruseasca-1812-1914/> (data obrashcheniya: 01.07.20)

Nazaria, Stepaniuc, 2010 – *Nazaria S., Stepaniuc V.* Problema Basarabiei și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris, 1917–1947. Chișinău: Tipografia Centrală, 2010. 392 p.

Nistor, 2017 – *Nistor I.* Istoria Basarabiei / Ion Nistor; pref.: Virgil Pâslariuc. București: Humanitas, 2017. S. 212 – 229.

Vasilos, el. resurs (data obrashcheniya: 05.08.20) – *Vasilos V.* Marile puteri și anexarea Basarabiei la

1812//https://utm.md/meridian/2012/MI_3_2012/14_Art_Vasilos_Anexarea_Basarabiei_la_1812.pdf (data obrashcheniya: 05.08.20).

Țurcanu, 1998 – *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România în anul 1918. Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. 260 r.

Țurcanu, 2012 – *Țurcanu I.* Bessarabiana: Teritoriul dintre Prut și Nistru în câteva ipostaze istorice și reflecții istoriografice. Chișinău: Cartdidact, 2012. 344 p.